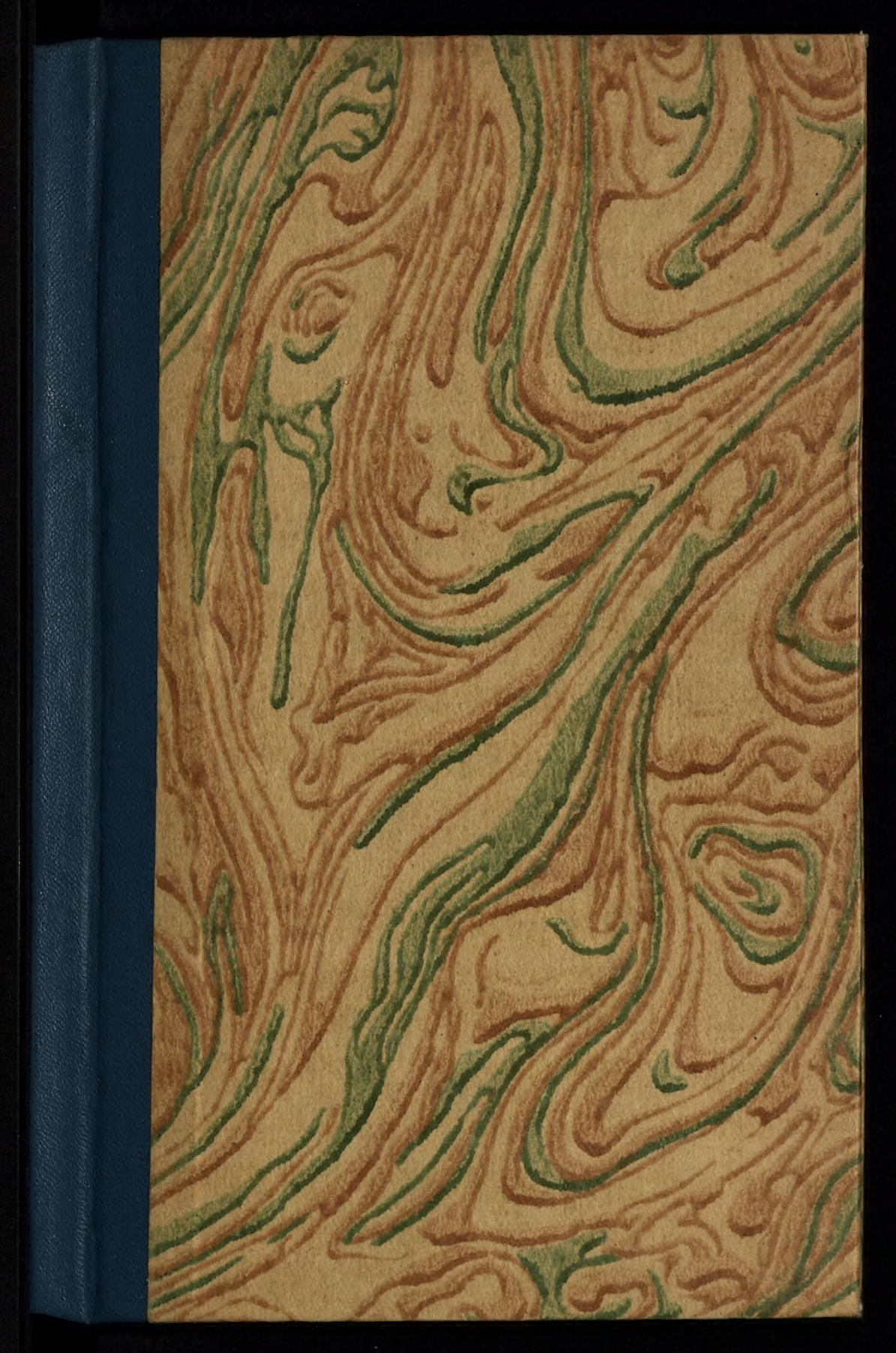

146313

Дубликатъ

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

ИЗДАНІЕ

Н. Калачова.

Выпускъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Лаврау, Офицерская, 17.
1885.

МАТЕРІАЛЫ

для

ИСТОРІИ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

5 Md
73

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Апрѣля 1885 г.

146313 пр94

БИБЛИОТЕКА МГУ

39.5628.

Md 13

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

ИЗДАНІЕ

Н. Калачова.

Выпускъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау, Офицерская, 17.
1885.

Оглавленіе.

	отр.
Введеніе.	9—14
Рѣчь Виктора Васильевича Калачова объ исконныхъ основахъ русскаго дворянства	15—17
Критическій разборъ сочиненія профессора А. Романовичъ-Славатинскаго: «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права» Н. Калачова.	18—50

Введеніе.

Въ числѣ заявленій, которыми дворянскія собранія разныхъ губерній постановили почтить столѣтній юбилей со времени изданія Императрицей Екатериной II-й „Грамоты на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства“,—мнѣ, какъ собирателю и издателю матеріаловъ по исторіи русскаго права, было въ высшей степени отрадно узнать о постановленіи Собранія дворянства Таврической губерніи—назначить премію за лучшее сочиненіе подъ заглавіемъ: „Политическое призваніе русскаго дворянства—его роль въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ“, съ тѣмъ: а) чтобы таковую премію выдать въ размѣрѣ *тысячи* рублей за лучшее и *пятисотъ* за признанное вторымъ сочиненіе, и б) чтобы объ учрежденіи таковой преміи сообщить всѣмъ прочимъ дворянствамъ Россіи на тотъ конецъ, не пожелаютъ-ли и они принять матеріальное участіе въ дѣлѣ для увеличенія преміи. И какъ обсужденіе этого постановленія предоставлено Императорской Академіи Наукъ, то нѣтъ сомнѣ-

нія, что исполненіе предполагаемаго труда поставлено на чисто *научную почву*.

Вникая съ своей стороны въ означенную задачу, мы не можемъ не признать ее вполнѣ умѣстною и соотвѣтствующею всей важности предмета, подлежащаго изслѣдованію. Дѣйствительно, хотя наша литература уже обладаетъ тремя сочиненіями о русскомъ дворянствѣ, появившимися притомъ въ ближайшее къ намъ десятилѣтіе, но справедливость заставляетъ насъ сознаться, что при настоящей доступности въ Россіи историческихъ источниковъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, всѣ они не могутъ и не должны считаться удовлетворительными. Первое изъ нихъ, изданное въ 1870-мъ году подъ заглавіемъ: „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права, профессора *А. Романовичъ-Славатинскаго*“, касается только одного послѣдняго и нынѣшняго столѣтій и притомъ, не смотря на свидѣтельствуемыя имъ знанія и даровитость автора, на столько не безпристрастно, что, разсмотрѣвъ его, по порученію Академіи Наукъ, въ качествѣ рецензента, мы поставили себѣ въ обязанность указать на противорѣчивые въ этомъ трудѣ выводы бывшимъ у насъ подъ рукою источникамъ. А какъ, съ этой точки зрѣнія, мы думаемъ, что нашъ отзывъ можетъ быть не безполезенъ въ настоящемъ изданіи, однако едва-ли многимъ извѣстенъ, такъ какъ не былъ въ свое время напечатанъ Академіей *), то и рѣшились выпустить его въ

*) Отзывъ нашъ не былъ помѣщенъ въ изданіяхъ Академіи на томъ основаніи, что изслѣдованію г. Романовичъ-Славатинскаго не была ею присуждена

свѣтъ *). Два другія сочиненія, по содержанію своему, обнимаютъ, напротивъ того: одно—*И. А. Порай-Кошица*—подъ заглавіемъ „Очеркъ Исторіи Русскаго Дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка (1796 г.)“, изданное въ 1874 г., всѣ столѣтія дворянской исторической жизни за исключеніемъ нынѣшняго XIX-го, а другое—*Михаила Яблочкова*, появившееся въ 1876 г. подъ заглавіемъ: „Исторія дворянскаго сословія въ Россіи“, сверхъ того, и произшедшія въ этомъ сословіи реформы въ царствованіе Императора Александра II; но оба основаны на однихъ лишь печатныхъ трудахъ (общихъ и спеціальныхъ) по русской исторіи, источниками же, въ такомъ обиліи хранящимися въ архивахъ, издатели ихъ не пользовались. Есть наконецъ и отдѣльныя статьи, затрогивающія отчасти эти источники, но онѣ могутъ служить только болѣе или менѣе полезнымъ пособіемъ при разработкѣ того или другого отдѣла обширнаго изслѣдованія, которое должно быть посвящено настоящему предмету.

Какъ видятъ читатели изъ вышесказаннаго, мы имѣемъ уже нѣкоторыя выработанныя нами опредѣленныя положенія о значеніи и дѣятельности русскаго дворянства въ теченіи всего историческаго его движенія: но не съ тою цѣлью, чтобы подтвердить наши положенія, рѣшились мы предпринять настоящее изданіе. Оно, напро-

премія, на которую оно было представлено, рецензіи же таковыхъ сочиненій, по правиламъ Академіи, не печатаются.

*) Нѣсколько экземпляровъ его было нами разослано еще въ 1876 году подписчикамъ на издававшійся подъ нашей редакціей до 1864 года «Юридическій

лись того, должно съ полнымъ безпристрастіемъ, съ одной стороны, знакомить интересующихся вопросомъ о прошломъ и настоящемъ русскаго дворянства съ имѣющимися въ разныхъ архивахъ матеріалами для новаго предлежащаго труда о дворянствѣ, матеріалами—можно по всей справедливости сказать, не только неизслѣдованными, но почти и неизвѣстными, а съ другой—передавать живые отголоски и дѣйствія тѣхъ дворянъ, которые въ практической сферѣ заявляли ими какъ своимъ сочленамъ, такъ и лицамъ другихъ сословій, не только свои права, но и обязанности. Тѣ и другіе матеріалы сливаются нерѣдко въ одно и приводятъ къ результатамъ, подтверждающимъ достовѣрность того или другого воззрѣнія; но пусть это будетъ свободнымъ выводомъ читателя, а не навязываемымъ нами убѣжденіемъ. Въ настоящемъ выпускѣ я помѣщаю только, какъ образецъ глубокаго сознанія дворянскаго достоинства и его призыва на общественную пользу, рѣчь, произнесенную моимъ братомъ Викторомъ Васильевичемъ Калачовымъ въ дворянскомъ собраніи Ярославской губерніи послѣ вторичнаго выбора его въ этомъ собраніи въ губернскіе предводители дворянства.

Чѣмъ-же и какимъ образомъ, спросятъ можетъ быть читатели, думаемъ мы наполнять слѣдующіе выпуски этого изданія?

Отвѣтъ на такой вопросъ даютъ прежде всего раз-

Вѣстникъ»; остальные же экземпляры не были нами пущены въ продажу, какъ и нѣкоторыя другія напечатанныя нами въ разное время изданія.

работываемые и приготовляемые къ ближайшему изданію въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи матеріалы Розряда или Разряднаго Приказа и Приказа Помѣстнаго. Извѣстно, что въ этихъ матеріалахъ заключаются данныя самой первостепенной важности, посредствомъ которыхъ первые знакомятъ насъ съ службою дворянства придворною, военною и гражданскою, а вторые съ поземельными правами и обязанностями дворянъ, каковыя были имъ пріурочены для службы и за службу Государю и Государству. По времени эти матеріалы не восходятъ глубже XV-го вѣка и простираются не далѣе XVIII столѣтія; но основы дворянскихъ интересовъ на общественную пользу такъ утвердились многовѣковымъ бытомъ въ сознаніи дворянскаго сословія, что и матеріалы, хранящіеся въ другихъ архивахъ, не только XVIII-го, но еще болѣе XIX-го столѣтія, проявляютъ ихъ во всей живости, и среди мыслей, навѣянныхъ остатками прежняго феодализма, рисуютъ привлекательные образы дворянъ-мыслителей и практиковъ, проникнутыхъ глубокими нравственными принципами на пользу всѣхъ сословій государства. Черпая изъ тѣхъ и другихъ матеріаловъ основные документы, я буду печатать ихъ въ подлинникахъ или извлеченіяхъ, имѣя въ особенности въ виду дѣлать извѣстнымъ какъ въ разное время само правительство опредѣляло призваніе дворянства, права его и обязанности и соотвѣтствующія симъ послѣднимъ дѣйствія нерѣдко поощряло и вознаграждало и, наоборотъ, противоположные имъ поступки порицало, выговаривало виновнымъ, а въ важныхъ случаяхъ подвергало ихъ и тягчайшимъ наказаніямъ. Если вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ

мною получаться отголоски отдѣльныхъ дворянъ какого бы то ни было столѣтія и изъ какой бы то ни было мѣстности, то и они послужатъ желаннымъ матеріаломъ для будущихъ выпусковъ настоящаго изданія *).

Н. Калачовъ.

*) Статьи этого содержанія просимъ доставлять въ С.-Петербургъ, въ Археологическій Институтъ (Васильевскій островъ, 12 линія, дома № 19).

Рѣчь Ярославскаго Губернскаго Предводителя Дворянства Виктора Васильевича Калачова послѣ избранія его на 2-е трехлѣтіе (въ 1880 г.).

Мм. Гг.

Такіе дни, какіе выпали на мою долю, достаются немногимъ счастливымъ. Вотъ высшая награда за мою любовь земли Ярославской, за мою посильную службу ей.

Когда три года тому назадъ Вы избрали меня своимъ представителемъ, я въ благодарственной рѣчи пытался выяснить—какъ я понимаю значеніе того поста, на который Вамъ угодно было призвать меня. Сознаюсь, что эти три года я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: исполняю-ли я мои обязанности согласно съ данными обѣщаніями, съ высказанными мною убѣжденіями и вѣрованіями, и, затѣмъ, эти убѣжденія, эти вѣрованія,—найдутъ-ли они сочувствіе въ большинствѣ дворянства, не напрасенъ-ли мой трудъ, не вызоветъ-ли онъ даже порицаніе, какъ не вѣрный, какъ не согласный съ стремленіями дворянства?

Послѣ почета, который Вы оказали мнѣ въ эти дни, мнѣ совѣстно за минуты сомнѣнія, мнѣ совѣстно за недостатокъ вѣры...

Глубоко оцѣнивая довѣріе Ваше, я вполнѣ понимаю, что взамѣнъ довѣрія, которое Вы оказываете Вашимъ избраннымъ, Вы желаете. Вы въ правѣ требовать отъ представителей Вашихъ, чтобы они были энергичными проводниками такихъ убѣжденій, которыя должны упрочить дворянство на той почвѣ, на которой оно призвано къ жизни исторіей Россіи. И избранные Вами представители должны подчиниться Вашему требованію. Но чтобы дворянство имѣло дѣйствительное значеніе, чтобы дворянство было организующей силой государства, не доста-

точно труда однихъ представителей Вашихъ: необходимо намъ всѣмъ сомкнуться на дружную работу; необходимо, чтобы въ работѣ этой участвовали съ сильной волей, съ сильной вѣрой и гласный дворянинъ въ Земскомъ Собраніи, и Судья въ камерѣ, и помѣщикъ въ имѣніи.

Господа! Я считаю своимъ долгомъ изложить — какъ я смотрю на будущее дворянства, какія у меня надежды, какія желанія.

Жизнь дворянства, — дворянства не Руси крѣпостной, а Руси свободной, двинутой на широкое поприще развитія, — началась съ 1861 года. Какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, порой случается слышать мнѣніе, что существованіе дворянскаго сословія было мыслимо только при крѣпостномъ правѣ, что съ отмѣною его отъ дворянства осталась только тѣнь, что съ 1861 года стремленія государственной жизни приняли такой оборотъ, при которомъ дворянству остается одно—разложеніе, что все, перешедшее къ намъ отъ воспитанныхъ на крѣпостномъ правѣ отцовъ нашихъ, ложно, не совмѣстно съ новѣйшими стремленіями. Но утверждающіе это забываютъ, что отцы оставили намъ въ наслѣдство и дурное, и *хорошее*.

Дурное наслѣдство было крѣпостное право, существовавшее, можетъ-быть, какъ историческая необходимость; но необходимость эта миновала. Мы сами поняли, что старый строй загораживаетъ дорогу будущему, что крѣпостное право должно быть уничтожено, иначе отжившій, дряхлый міръ раздавитъ насъ первыхъ. Когда это убѣжденіе сдѣлалось присущимъ большинству, тогда раздалось великое слово Царя-Освободителя, и мы откинули дурное наслѣдство. *Воспользуемся хорошимъ:* отцы наши свято хранили и передали намъ завѣтъ, что дворянство должно служить отечеству по всѣмъ отраслямъ государственной и общественной службы; отцы наши передали намъ понятіе о чести, о любви къ родинѣ. Воспользуемся-же этими присущими намъ могучими силами; не будемъ нерѣшительно останавливаться на полдорогѣ, а смѣло встанемъ на тотъ великій путь, который влечетъ въ будущность.

Для жизни дворянства есть богатая почва, но только она одна и есть въ самомъ дѣлѣ; отъ самого дворянства зависитъ, чтобы вліяніе его осталось, но вліяніе свободное, окруженное довѣріемъ и уваженіемъ народа. Дворянство должно быть представителемъ гражданственности государства: оно должно быть представителемъ народнаго духа; оно должно хранить его въ себѣ, вводить въ систему государственнаго управленія; проникнутое духомъ народнымъ, дворянство должно отражать въ себѣ всѣ стремленія и потребности общественныя. Дворянство прочно, пока чрезъ него идетъ и очищается любовь къ отечеству и добру; дворянство прочно, пока народъ видитъ, что дворяне не льстецы власти, а передовые дѣятели жизни народной и честные истолкователи его нуждъ.

Пока стремленіе къ общественному благу составляетъ святое святыхъ дворянства, до тѣхъ поръ основы его крѣпки, и могущія быть случайныя грозы пройдутъ, не уничтоживъ дворянства, а укрѣпивъ его — какъ чистый источникъ государственнаго строенія и порядка, какъ охранителя истинныхъ, созидающихъ, вѣчныхъ идей развитія.

И такъ, да здравствуетъ дворянство, свободное отъ предразсудковъ, въ спокойствіи и ясности духа честно служащее Россіи во имя надежды, что трудъ его будетъ плодотворенъ, во имя святыхъ упованій, во имя вѣры въ величіе будущности Россіи!

„Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII-го вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. А. Романовичъ-Славатинскаго, профессора государственнаго права въ Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра. С.-Петербургъ. 1870 г., въ 8-ю д., стр. XXVI и 562 *).

Приступая къ разбору сочиненія г. Романовичъ-Славатинскаго, мы должны прежде всего остановиться на общемъ его заглавіи, соотвѣтствующемъ его содержанію, но противуположномъ тому значенію, какое придано ему какъ въ предисловіи, такъ и въ болѣе спеціальномъ опредѣленіи, слѣдующемъ за общимъ заглавіемъ. По словамъ автора, трудъ его имѣетъ въ собственныхъ его глазахъ «значеніе только свода разбросаннаго матеріала и пріуготовительныхъ этюдовъ—ряда замѣтокъ для исторіи дворянства, только намѣчающихъ нѣкоторые вопросы, къ ней относящіеся, ставящихъ рамки, рубрики для будущаго изслѣдованія». «Мы—говоритъ онъ далѣе—только собирали мусоръ и кирпичи, которые, можетъ быть, найдетъ годными другой зодчій, съ большимъ талантомъ и эрудиціей, чтобъ употребить ихъ на постройку зданія, которое бы, по лучшей симметріи и изяществу отдѣлки, болѣе соотвѣтствовало достоинству и важности вопроса» (стр. VII и VIII). За симъ слѣдуетъ совершенно справедливое замѣчаніе, что для полной прагматической исторіи нашего дворянства едва ли собранъ весь матеріалъ, такъ какъ основной и главный источникъ, откуда онъ долженъ быть извлеченъ—«Пол.

*) Рецензія эта удостоена Императорскою Академіею Наукъ золотой медали.

ное Собраніе Законовъ», съ одной стороны касается только офиціальной юридической жизни сословія, а съ другой представляетъ нѣкоторые—указываемые авторомъ—пробѣлы, иногда довольно существенные, которые, равно какъ и самая значительная часть матеріала, необходимаго для разработки бытовой стороны дворянства, еще не только не изданы, но даже для отысканія ихъ въ архивахъ, правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ, потребно очень много времени и труда (предисл. стр. IX—XX и XXV—XXVI *). Согласно съ такимъ объясненіемъ надлежащаго значенія своей книги, г. Романовичъ-Славатинскій и на заглавной ея страницѣ, вслѣдъ за приданнымъ ей общимъ названіемъ, опредѣляетъ ее такъ: «Сводъ матеріала и пріуготовительные этюды для историческаго изслѣдованія». Какъ однако ни готовы мы вѣрить въ искренность объясненія автора, что такова была предположенная имъ себѣ цѣль при составленіи разсматриваемаго труда, и какъ ни важны достигнутые имъ результаты именно съ этой стороны, мы не можемъ не замѣтить, что его значительный талантъ къ группировкѣ данныхъ и къ остроумнымъ изъ нихъ выводамъ, съ которымъ мы давно уже имѣли случай ознакомиться по его изслѣдованію о губернскомъ управленіи въ XVIII стол. **), увлекъ его гораздо далѣе предположенной себѣ скромной цѣли. На самомъ дѣлѣ сочиненіе г. Романовичъ-Славатинскаго имѣетъ своимъ предметомъ, какъ оно и наз-

---

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что указывая, между прочимъ, на матеріалы, хранящіеся въ архивѣ государственнаго совѣта и радуясь предпринятому изданію этого архива, авторъ напрасно полагаетъ, будто въ вышедшей въ свѣтъ 1-й его части содержаніе протоколовъ совѣта сокращено и потому изъявляетъ желаніе, чтобы дальнѣйшее изложеніе было подробнѣе и обстоятельнѣе (стр. XIX). Стоя близко къ этому дѣлу, мы можемъ удостовѣрить, что изложеніе протоколовъ совѣта въ означенной 1-й части сдѣлано дословно, даже безъ измѣненій въ слогѣ, т. е. содержаніе ихъ выписано вполнѣ, но лишь дано ему систематическое распредѣленіе по различію предметовъ, которые были обсуждаемы въ совѣтѣ въ то или другое время.

**) Полное заглавіе этого сочиненія, составляющаго уже библіографическую рѣдкость, слѣдующее: «Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра Великаго до учрежденія губерній въ 1775 г. Диссертація Александра Р. Славатинскаго, для полученія степени магистра государственнаго права. Кіевъ, въ университетской типографіи, 1859.»

вано, «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права,» т. е. исторію этого сословія съ Петра Великаго до знаменитаго манифеста 19 февраля 1861 г. Какъ такое сочиненіе, оно есть блестящее изслѣдованіе одного изъ сословій въ нашемъ отечествѣ, которое было по преимуществу обязаннымъ государственною службою, но за то и по преимуществу привилегированнымъ въ теченіе всего времени, избраннаго авторомъ для своихъ розысканій; почему это время представляетъ собою обособленный цѣльный періодъ въ его исторіи. Но отдавая такимъ образомъ должную справедливость разсматриваемому сочиненію относительно мѣста, которое принадлежитъ ему въ наукѣ, мы обязаны сознаться, что недостатокъ въ матеріалахъ, указываемый самимъ авторомъ, не только воспрепятствовалъ ему удовлетворить вполнѣ задачѣ и условіямъ прагматическаго историческаго изслѣдованія, на что онъ, какъ мы видѣли, и не претендуетъ, но также представить вѣрную оцѣнку тѣхъ свойствъ и разныхъ сторонъ дѣятельности дворянства въ означенный періодъ, которыя онъ характезируетъ то искусно собранными данными, предлагаемыми притомъ съ особенною живостью и увлекательностью разсказа, то краткими, но тѣмъ не менѣе смѣлыми и рѣзкими выводами, далеко впрочемъ не безпристрастными. Скажемъ болѣе: мы думаемъ, что въ этомъ отношеніи авторъ невольно поддался идеѣ, еще общей многимъ изъ современныхъ намъ лучшихъ дѣятелей на поприщѣ литературы и практики, которые, стремясь къ возстановленію такъ долго задержанныхъ правъ низшаго сословія, относятся съ предубѣжденіемъ къ высшему классу, въ томъ предположеніи, что онъ стоитъ несравненно ниже своего призванія не только вслѣдствіе историческихъ условій, привившихъ къ нему многіе недостатки, но и по присущимъ почти каждому его члену грубости чувствъ, несправедливости, высокомѣрію, жестокости и другимъ порокамъ. Идея эта такъ часто высказывается и въ задушевныхъ теплыхъ словахъ, съ которыми авторъ обращается къ судьбѣ низшаго сословія, и въ саркастическихъ отзывахъ, которые вырываются у него въ укоръ высшему классу, что безпристрастный читатель не можетъ не спросить себя о причинѣ такихъ порывовъ изслѣдователя. Мы думаемъ угадать эту причину именно въ той неровности духа на-

шего времени, которая, бывъ вызвана крестьянскою реформою, еще не изчезла во взаимныхъ отношеніяхъ между двумя означенными сословіями и потому склоняетъ лица, дѣйствующія въ практической сферѣ, въ ту или другую сторону не столько по чувству законности, сколько подъ вліяніемъ симпатіи, врожденной принадлежностью къ извѣстному классу, или же—въ отношеніи къ низшему сословію—навѣянной естественными и разумными требованіями человѣчности. Но ученый, въ особенности историкъ, долженъ стоять выше этого духа, еще не улегшагося въ массѣ, и спокойнымъ обсужденіемъ лежащаго передъ нимъ матеріала вырабатывать положенія, на столько близкія къ дѣйствительности и истинѣ, чтобы, проникая въ народъ, они могли быть имъ приняты и усвоены и тѣмъ самымъ привели его къ желательному установленію равенства во взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ сословій, что и составляетъ задачу, предлежащую нашему земству.

Вотъ краткій отчетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на насъ книгою г. Романовичъ-Славатинскаго. Въ подтвержденіе же этого слишкомъ общаго отзыва мы обратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ отдѣловъ, на которые авторъ разбилъ свое изслѣдованіе, дабы удобнѣе ознакомиться съ его пріемами и добытыми имъ результатами и тѣмъ основательнѣе оцѣнить достоинства или выставить недостатки его труда.

Въ періодѣ, избранномъ г. Романовичъ-Славатинскимъ для своихъ розысканій о дворянствѣ, онъ видитъ два, слѣдующіе по времени другъ за другомъ, отдѣла, разграничивающіеся манифестомъ 18 февраля 1762 г. и жалованною дворянству грамотою 1785 г. Въ первомъ отдѣлѣ—говоритъ онъ—«еще не вырабатываются личныя и корпоративныя права дворянства, еще только зарождается его сословная, аристократическая точка зрѣнія на себя. Въ этой порѣ дворянство еще находится въ прежнемъ *крѣпостномъ отношеніи* къ государству—несетъ обязательную службу, подлежитъ обязательному обученію, отбываетъ разные другіе наряды—переселяется, напр. по приказу правительства изъ деревень въ столицу и волей-неволей строитъ палаты на теперешней англійской набережной или сергіевской улицѣ, не пользуется ни правами поземельной собственности, ни свобо-

дой отъ тѣлесныхъ наказаній; не только не имѣетъ участія въ мѣстномъ судѣ и управленіи, но даже специфическая черта сословія — владѣніе крѣпостными людьми—только начинаетъ къ нему пріурочиваться». Второй отдѣлъ простирается до манифеста 19 февраля 1861 года. Въ теченіе его «манифестъ 1762 года освобождаетъ дворянство отъ обязательной службы и обученія; грамота 1785 г. надѣляетъ личными правами, даетъ сословную организацію, широкое участіе въ мѣстномъ судѣ и управленіи—окончательно формируетъ благородное и привилегированное сословіе. Эту пору въ исторіи дворянства—заключаетъ авторъ—можно назвать періодомъ самаго широкаго развитія личныхъ правъ дворянства, порабощенія крѣпостныхъ крестьянъ, дворянскаго преобладанія въ мѣстной жизни» (предисл. стр. XXII и XXIII).

Можетъ-ли эта характеристика двухъ отдѣловъ исторіи дворянства отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права быть названа вполнѣ вѣрною, мы увидимъ ниже при разборѣ частныхъ положеній, выставленныхъ въ ней такъ рельефно. Но и самъ авторъ не останавливается на такомъ дѣленіи означеннаго періода, а принимаетъ другое, съ цѣлью представить *возможно полный сводъ матеріала*,—дѣленіе на главы, съ подраздѣленіемъ ихъ на раздѣлы, и для того установляетъ нѣсколько вопросовъ, группируя однородные или соприкасающіеся въ одну главу. Всѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ и слѣдов. главъ онъ принимаетъ пять. Изъ нихъ глава первая посвящена вопросу: какъ образовалось, пріобрѣталось и раздѣлялось дворянство и какъ оно обособлялось отъ другихъ общественныхъ классовъ. Въ главѣ второй разсматриваются обязанности дворянства и вознагражденіе его за службу, въ главѣ третьей—права его, а въ четвертой—въ особенности права на крѣпостныхъ людей. Наконецъ глава пятая имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе о развитіи корпоративныхъ правъ дворянства. По мнѣнію автора, такое дѣленіе, удовлетворяя главной цѣли его труда, какъ свода матеріала, вредитъ технической сторонѣ его, между тѣмъ какъ при дѣленіи періода на два вышеозначенные отдѣла обобщенія и характеристики вышли бы полнѣе, изображенія отчетливѣе и законченнѣе. Но мы находимъ дѣленіе на пять главъ — хотя по

однородности вопросовъ, разсматриваемыхъ въ главахъ третьей и четвертой ихъ можно бы слить въ одну — болѣе удовлетворяющимъ и задачѣ историческаго изслѣдованія, ибо предполагаемыя авторомъ обобщенія и характеристики возможны только вслѣдствіе тщательнаго пересмотра данныхъ, необходимыхъ для разрѣшенія каждаго изъ выставленныхъ выше вопросовъ въ хронологическомъ порядкѣ, такъ чтобы надлежащіе выводы сами собою представлялись по прочтеніи каждой главы или раздѣла книги, обобщенія же ихъ, безъ ущерба фактической сторонѣ изслѣдованія, предлагаемы были лишь въ видѣ заключенія всего труда. Впрочемъ въ самой разработкѣ предмета авторъ не отказался вовсе отъ попытки дать своимъ розысканіямъ такъ называемую имъ техническую отдѣлку: не смотря на добросовѣстность, съ какою онъ старался извлечь всѣ необходимыя свѣдѣнія изъ матеріала, бывшаго ему доступнымъ, ни на то, что такое добросовѣстное отношеніе къ своему предмету указало ему на единственно возможную пока форму изслѣдованія о дворянствѣ—сведеніе въ одно систематическое цѣлое добытыхъ имъ данныхъ, онъ тѣмъ не менѣе стремится къ обобщеніямъ и характеристикамъ, которыя и предлагаетъ при каждомъ удобномъ случаѣ, хотя и сознается въ недостаткѣ нужнаго для того матеріала. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ — какъ кажется намъ — на рубежѣ двухъ способовъ изслѣдованія, изъ коихъ одинъ преобладалъ въ сороковыхъ и отчасти даже въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія въ нашей историко-юридической критикѣ, а второй безъ сомнѣнія становится все болѣе господствующимъ въ настоящее время. Первый, заключавшійся въ сопоставленіи большею частію извѣстныхъ фактовъ изъ исторіи нашего права съ началами, выработанными западной наукой, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ рядъ статей и монографій, осуждавшихъ наше прошлое какъ несостоятельное по своимъ учрежденіямъ и быту въ сравненіи съ теоретическими соображеніями объ учрежденіяхъ, необходимыхъ для пользы и блага всякаго народа. Послѣдній способъ изслѣдованія состоитъ напротивъ того въ изученіи въ возможной полнотѣ всего строя и быта древней Россіи, а какъ такое изученіе немыслимо безъ разработки всѣхъ матеріаловъ, касающихся этого строя и быта, то собраніе и изданіе источниковъ историко-юри-

дическихъ и ближайшіе изъ нихъ выводы составляютъ главную задачу современныхъ намъ русскихъ археологовъ и юристовъ. Г. Романовичъ-Славатинскій, какъ истый русскій человѣкъ, не только сознаетъ эту національную нашу потребность, но и положилъ много труда, чтобы собрать мусоръ и кирпичи, какъ онъ самъ называетъ свои розысканія, потребные для постройки зданія, которое бы соотвѣтствовало достоинству и важности предмета, избраннаго имъ для своего труда: въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ достигъ своей цѣли — въ предѣлахъ, ему доступныхъ, «оказать содѣйствіе къ разъясненію вопросовъ *русской родной жизни*» (пред. стр. XXVI). Но примкнувъ къ этимъ розысканіямъ, еще неполнымъ по недостатку матеріала, окончательные и притомъ слишкомъ общіе выводы, въ коихъ чуется духъ времени, вызвавшій въ одной части нашихъ писателей и практическихъ дѣятелей сочувствіе къ низшему сословію въ ущербъ безпристрастнаго отношенія къ высшему, авторъ олицетворяетъ въ нашихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ отчасти, ученыхъ сороковыхъ годовъ; почему мы постараемся, на сколько дозволятъ намъ наши скудныя свѣдѣнія и слабая подготовка къ дѣлу, которымъ онъ занимался съ такимъ усердіемъ, трудолюбіемъ и талантомъ, указать на встрѣчающуюся мѣстами односторонность этихъ его выводовъ.

Первую главу своей книги г. Романовичъ-Славатинскій начинаетъ положеніемъ, что въ Россіи до XVIII столѣтія не было дворянства какъ отдѣльнаго сословія, общественной группы, члены которой были бы связаны сознаніемъ единства общесословнаго интереса, надѣлены особыми правами въ отличіе отъ другихъ общественныхъ классовъ, изъ чего онъ заключаетъ, что высшее сословіе образовано у насъ какъ общественная группа Петромъ Великимъ, придавшимъ ему названіе *шляхетства*, которое лишь во второй половинѣ того же столѣтія замѣнено названіемъ *дворянства*, болѣе соотвѣтствующимъ историческому происхожденію этого сословія (стр. 2—4). Такъ какъ означенное положеніе впослѣдствіи неоднократно повторяется въ разсматриваемой нами книгѣ, причемъ авторъ старается доказать, что только въ XVIII столѣтіи понятіе о преимуществѣ породы и крови привилось нашему высшему классу вліяніемъ иностранной аристократіи, то

мы не можемъ оставить безъ вниманія такое, по нашему убѣжденію, не совсѣмъ вѣрное мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и въ древней Россіи всѣ служилые чины сознавали себя выше не только простолюдиновъ, но и посадскихъ или горожанъ, а съ другой стороны, что между собою они мѣстничались не только службою, но и происхожденіемъ или близостью членовъ рода къ своимъ предкамъ, считая *потеркою чести* всякое пониженіе противъ мѣста, занятаго однажды на этой лѣстницѣ, что не было вовсе въ обычаѣ у другихъ сословій, и что не только владѣніе помѣстьями, но и веденіе родословныхъ было исключительнымъ правомъ высшаго сословія. А откуда взялось это преимущество породы какъ не изъ древнѣйшихъ владѣльческихъ правъ, принадлежавшихъ князьямъ, исконнымъ вотчинникамъ-боярамъ, начиная съ новгородскихъ, и пришлецамъ-воинамъ изъ иностранныхъ государствъ къ тому или другому великому или удѣльному князю на извѣстныхъ, выговоренныхъ ими, условіяхъ? Если же мы видимъ, что такіе элементы обособленности высшаго сословія не успѣли до Петра Великаго строго формулироваться и выработаться въ опредѣлительныя начала, которыя усвоила себѣ аристократія на западѣ, то объясненіе тому должно конечно искать какъ въ различной точкѣ исхода государственнаго строя у насъ и на западѣ, вслѣдствіе чего отношенія и права нашего служилаго класса опредѣлялись болѣе верховною властью, чѣмъ развивались самобытно, какъ это было на почвѣ феодальной, такъ особенно недостаточною зрѣлостью у насъ до самаго исхода XVII столѣтія всѣхъ государственныхъ учрежденій, еще не успѣвшихъ окрѣпнуть подъ вліяніемъ патріархальнаго быта, изъ котораго они возникли. Но и самъ авторъ, переходя къ значенію табели о рангахъ, которою Петръ I ввелъ у насъ новое начало въ государственной службѣ и повышеніи чиновъ, сознается, что до того времени *порода* и *отчество* имѣли у насъ преимущество передъ годностью къ службѣ или *личнымъ дородствомъ*, какъ прекрасно опредѣлилъ это начало профессоръ Морошкинъ. Что же однако сдѣлалъ Петръ Великій въ этомъ отношеніи? Онъ не тронулъ родословной чести, не объявилъ ничтожными древніе саны и чины, но лишь всѣхъ служилыхъ людей подчинилъ высшей идеѣ—*полезности* отечеству, какъ и самъ

онъ былъ первымъ. т. е. способнѣйшимъ и лучшимъ его слугою. И такъ не аристократическое начало запада внесъ въ наше высшее сословіе великій Преобразователь Россіи, а напротивъ того силою своей исполинской воли вдохнулъ въ него необходимые элементы для *пригодности* на государственной службѣ — знаніе и стремленіе истинными заслугами отечеству подниматься по лѣстницѣ чиновъ. Съ этой поры дѣйствительно всей массѣ служилыхъ людей усвоилось названіе *шляхетства*, а впослѣдствіи *дворянства*, между тѣмъ какъ въ древней Россіи служба въ Приказахъ хотя и вводила въ высшее сословіе, но собственно служилыми людьми считались военные. И такъ начало аристократическое—начало породы и крови перешло въ новую исторію Россіи изъ древней и только могло точнѣе формулироваться подъ вліяніемъ западныхъ понятій; но какъ это было на западѣ, такъ и у насъ, родовое дворянство пополнялось и постоянно пополняется (и притомъ съ Петра В. несравненно болѣе чѣмъ прежде) лицами другихъ сословій, которыя своими служебными отличіями, своимъ личнымъ дородствомъ получаютъ одинаковыя права съ потомками сановитыхъ родичей *). Очевидно вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти послѣдніе, по крайней мѣрѣ сначала, смотрятъ свысока на новыхъ членовъ своего сословія; но время беретъ свое и часто потомки лица, которое служебныя отличія ввели въ замкнутый кругъ аристократовъ, становятся въ этомъ кругу выше представителей древнѣйшихъ родичей. Во всякомъ случаѣ порода и служба—это два разные элемента, изъ коихъ какъ на западѣ, такъ и у насъ образовалось высшее сословіе и которые остаются въ немъ навсегда, какъ двѣ струи, которыя хотя и смѣшиваются въ своемъ теченіи, но постоянно привходитъ къ нимъ новая струя изъ другихъ источниковъ.

Мы нарочно остановились нѣсколько долѣе на разъясненіи на-

---

*) То и другое вполнѣ подтверждается пунктомъ 11-мъ табели о рангахъ, въ которомъ ясно выражено, что получившіе восемь первыхъ рангов со всѣмъ своимъ законнымъ потомствомъ „въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть имѣютъ, хотя бы они и низкой породы были“. Слѣдовательно, скажемъ кстати, лучшее старшее дворянство, и по сознанію самого Петра Великаго, было въ Россіи до него и осталось такимъ какъ въ его царствованіе, такъ и впослѣдствіи.

шей мысли въ чемъ она несходна съ указаннымъ выше мнѣніемъ автора, который также признаетъ значеніе породы или отчества въ до-петровской Россіи, но какъ элемента не аристократическаго, а лишь раздроблявшаго высшее сословіе и только въ общей повинности этого сословія—нести обязательную службу государству, видитъ нѣкоторую связь между его членами. Съ такой точки зрѣнія сдѣланы имъ и слѣдующіе выводы, которые мы, на основаніи вышесказаннаго, не можемъ признать вполнѣ основательными.

«Есть слова—говоритъ авторъ—употребленіе которыхъ не проходитъ безслѣдно, такъ какъ съ ними связывается рѣзкое опредѣленное понятіе. Таково было и слово *шляхетство* для нашихъ высшихъ общественныхъ классовъ: употребляя это наименованіе, они усвоили себѣ и внутренній смыслъ его, развившійся на феодальной почвѣ западной Европы и чуждый нашимъ національнымъ традиціямъ. Царскіе чиновные люди перешли въ шляхетство русскими людьми, но изъ шляхетства въ дворянство они вышли почти что иноземцами, по крайней мѣрѣ, по своимъ воззрѣніямъ, по своему отношенію къ родной землѣ, которой даже благозвучный говоръ имъ сталъ не милъ» (стр. 4—5).

«Бюрократическое начало табели о рангахъ (слѣдоват. съ Петра В.) побивало аристократическое начало, развивавшееся въ шляхетствѣ; чинъ одолѣлъ породу» (стр. 19). Но если только названіе *шляхетства*, приданное высшему сословію также Петромъ Великимъ, усвоило ему аристократическое начало породы, то когда же успѣло развиться это начало въ противоположность бюрократическому, тотчасъ взявшему надъ нимъ верхъ? Впрочемъ, выводу автора не соотвѣтствуетъ и примѣръ, приведенный имъ въ подтвержденіе того значенія, которое шляхетская аристократія придавала своей породѣ: примѣръ этотъ взятъ изъ безчисленнаго множества случаевъ, относящихся къ мѣстническимъ счетамъ породою въ XVII вѣкѣ, когда еще не было и помину о примѣненіи слова «шляхетство» къ нашему высшему сословію.

Опредѣляя вліяніе табели о рангахъ на послѣдующія судьбы дворянства, авторъ пишетъ: «установивъ пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, табель свела въ одну общественную группу и людей знатнаго происхожденія и богатаго состоянія, и потомство

мелкихъ и небогатыхъ чиновниковъ и офицеровъ. Въ дальнѣйшей исторіи нашего дворянства, вслѣдствіе этого, возникаютъ слѣдующія направленія: мелкое дворянство, несостоятельное сохранить блескъ своего благороднаго состоянія, своими правами, матеріальными средствами и образомъ жизни, сближается съ народомъ, не утрачивая, впрочемъ, своей горделивой сословной точки зрѣнія на него. Напротивъ, высшее дворянство—родовое и вышедшее изъ крупной бюрократіи и генералитета—стремится замкнуться въ касту, отдѣлясь и отъ низшаго дворянства и отъ сѣраго народа своими нравами, образомъ жизни, даже языкомъ. Среднее дворянство по интересамъ своимъ тяготѣетъ къ народу, по претензіямъ—къ аристократіи. Реальные интересы влекутъ его къ деревнѣ, къ хлѣбопашеству, искусственныя потребности и навѣянныя притязанія притягиваютъ въ столицу, въ города, въ обѣтованную землю аристократическихъ салоновъ, за границу, гдѣ прохлаждаются и проживаются князья и графы — потомки бояръ и окольничихъ. Вотъ почему изъ нашего средняго дворянства не могло образоваться gentry, подобно тому, какъ аристократія не могла развиться въ nobility. Среднее дворянство само отрывало себя отъ своей естественной среды—отъ родныхъ полей и душистыхъ лѣсовъ, отъ родныхъ мужиковъ. Оно считало этихъ мужиковъ людьми другой кости и крови, оно стыдилось протягивать руку мелкому собрату и благоденствовало отъ двухъ пальцевъ, протянутыхъ аристократомъ. Это раздвоеніе въ средѣ шляхетства, эти различныя направленія его членовъ обозначаются уже въ царствованіе Анны Іоанновны. Устами Волынскаго *подлое* шляхетство выговариваетъ свой вполнѣ опредѣлившійся взглядъ на шляхетство *знатное*» (стр. 26—27). Далѣе, говоря о раздѣленіи родословной книги, на основаніи дворянской грамоты 1785 г., на шесть частей, изъ коихъ въ послѣднюю должны были вноситься древніе благородные дворянскіе роды, доказательства дворянскаго достоинства которыхъ восходятъ за 100 лѣтъ, а благородное начало покрыто неизвѣстностью, авторъ замѣчаетъ: «эти разряды, на которые разбила дворянство жалованная грамота 1785 г., не представляютъ никакихъ юридическихъ отличій: дворянинъ, записанный въ 1-ю часть, такъ же могъ владѣть крѣпостными и быть даже губернскимъ предводителемъ, какъ и дво-

рянинъ 6-й части. Но общественное мнѣніе и мнѣніе самого дворянства относилось не безразлично къ завѣтной 6-й части. Шестой разрядъ дворянства всегда считалъ себя дворянствомъ по преимуществу, самыми крѣпкими столбами государства, а на первые три разряда смотрѣлъ, какъ на дворянъ-выскочекъ, плебейской крови. Съ меньшимъ пренебреженіемъ 6-я часть относилась къ 4-й, а титулованное дворянство всегда пользовалось особеннымъ уваженіемъ дворянства родоваго. Послѣднее сходилось съ титулованнымъ дворянствомъ въ стремленіи обособиться отъ дворянства чиновнаго—офицерскаго и бюрократическаго; по слѣдамъ его въ такомъ направленіи или высшіе военные и гражданскіе чины, хотя и внесенные во 2-ю и 3-ю части дворянской родословной книги. Это стремленіе къ обособленію привело къ созданію аристократическихъ учебныхъ заведеній — пажескаго корпуса, александровскаго лицея, училища правовѣденія, въ которыхъ могли воспитывать своихъ дѣтей только тѣ дворяне, которые были записаны въ 4-ю и 6-ю части, да высшіе военные и гражданскіе чины» (стр. 46). Слова эти, сопоставленныя съ тѣмъ, что сказано было авторомъ о значеніи до-петровскаго дворянства, вызываютъ вопросъ: если въ мѣстничествѣ древней Руси онъ видитъ лишь начало, раздроблявшее высшее сословіе и не дозволявшее ему сомкнуться въ одно цѣлое, то почему признаваемую имъ также отдѣльность другъ отъ друга въ самой жизни разрядовъ, высшихъ и низшихъ, дворянской грамоты, онъ не находитъ раздробляющею дворянскаго сословія? Не потому-ли, что на самомъ дѣлѣ она нисколько не вредитъ существеннымъ правамъ, принадлежавшимъ и принадлежащимъ всѣмъ разрядамъ высшаго сословія и не препятствуетъ ими пользоваться? Но чѣмъ же мѣстничество или начало породы препятствовало осуществленію такихъ правъ даже въ отношеніи повышеній по службѣ, если напр. окольничіе могли жаловаться, какъ это обыкновенно бывало, въ бояре, дворяне въ окольничіе и т. д. А предоставленіе извѣстныхъ мѣстъ по службѣ преимущественно членамъ родовитыхъ фамилій не должно-ли быть сопоставлено съ привилегіями, которыми пользовались почти до послѣдняго времени къ полученію чиновъ и служебныхъ назначеній потомки старинныхъ родовъ? Самое созданіе особыхъ учебныхъ заведеній для дѣтей дворянъ, запи-

санныхъ въ привилегированныя части родословной книги, не есть-ли такое же предоставляемое имъ отличіе, на какое имѣли, въ древней Россіи, по рожденію своему, право дѣти князей, бояръ и другихъ сановниковъ? Почему же авторъ въ такихъ преимуществахъ для потомковъ старинныхъ родовъ въ новѣйшее время видитъ дѣйствіе аристократическихъ стремленій столбоваго дворянства, а въ древней Руси вовсе отвергаетъ существованіе и вліяніе аристократическаго начала? Не смотря на то, мы не можемъ признать вѣрными и тѣ характеристическія черты, которыми г. Романовичъ-Славатинскій опредѣлятъ отношенія между дворянствомъ высшимъ и среднимъ или шляхетствомъ *знатнымъ* и *подлымъ*, начиная уже съ 30-хъ годовъ XVIII столѣтія. Не претензія брататься съ аристократами, не искусственныя потребности притягивали большею частію и въ это время среднее дворянство въ столицы и города, а необходимость образованія, требовавшагося уже на государственной службѣ и еще болѣе обязательность для него этой службы, которую самъ авторъ выставляетъ какъ тягостное иго, лежавшее на дворянствѣ. Если же бывали исключенія, то не всегда-ли и не вездѣ-ли они встрѣчаются и слѣдуетъ-ли возводить ихъ въ общую черту вѣка? А пренебреженіе къ низшимъ разрядамъ того же общества или другихъ сословій и въ особенности къ сѣрому народу не было-ли у насъ во всякое время и гораздо скорѣе свойствомъ самаго мелкаго слоя дворянства, или вѣрнѣе, мелкаго чиновничества, нежели дворянства высшаго и даже средняго? Впрочемъ, нѣсколько далѣе авторъ, какъ мы увидимъ, иначе отзывается о членахъ мелкаго и средняго дворянства, но кажется болѣе для того, чтобы сказать желчное слово о членахъ высшаго его разряда.

Коснувшись обѣднѣнія дворянскаго сословія вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія принадлежащихъ къ нему лицъ, происшедшаго въ свою очередь отъ легкости, съ какою стали даваться чины, г. Романовичъ-Славатинскій видитъ и здѣсь поводъ къ разчлененію дворянства на нѣсколько группъ и въ слѣдующей картинѣ рисуетъ стремленія съ одной стороны высшаго, а съ другой—средняго и мелкаго дворянства и результаты, къ которымъ они привели тѣхъ и другихъ въ знаменательную и для насъ эпоху развитія французской революціи 1789 г.: «Старыя дворян-

скія фамиліи и новыя, обезпеченныя матеріально, отдѣлились отъ фамилій новаго чиновнаго дворянства, бѣднаго матеріальными средствами, къ которому тяготѣли и захудалые дворянскіе роды шестой части. Изъ первыхъ образовывалась особая общественная группа, окрестившая себя названіемъ *аристократія*, свысока смотрящая на народъ, на мелкое и даже среднее дворянство. Подобно тому, какъ дворянство вообще, выгораживая себя изъ народа, не хотѣло воспитывать своихъ дѣтей вмѣстѣ съ разночинцами, и создавало систему дворянскихъ учебныхъ заведеній—благородныхъ пансіоновъ, благородныхъ женскихъ институтовъ и благородныхъ кадетскихъ корпусовъ — подобно тому и наша soi disante аристократія, выгораживая себя изъ рядоваго дворянства, вырабатывала свои учебныя заведенія для шестой части дворянской книги, вмѣстѣ съ дворянствомъ остзейскимъ и титулованнымъ—аристократическій пажескій корпусъ, аристократическій александровскій лицей, аристократическое училище правовѣденія. Въ этихъ заведеніяхъ она пропитывалась тончайшимъ Парижемъ, *англійскимъ* парижскимъ діалектомъ, изящнѣйшими манерами de la vieille souche старой до-революціонной Франціи. Потомки бояръ и окольничихъ-холоповъ бѣлаго царя, потомки генералъ-маіоровъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ—выходили изъ этихъ заведеній настоящими маркизами доброй старой Франціи. Эта добрая старая Франція, чрезъ легитимистскую эмиграцію конца прошлаго столѣтія, имѣла дѣйствительно огромное вліяніе на манеры, обычаи, міровоззрѣніе нашихъ высшихъ классовъ. Эти маркизы и жентиломы доброй старой Франціи, которымъ не по сердцу пришлась молодая, возрожденная великими принципами 1789 г., Франція, толпами нахлынули въ Россію, и въ салонахъ петербургскаго барства нашли себѣ прилежнѣйшихъ адептовъ. Легитимистическая эмиграція была сильна не только принципами, но и количественно: императоръ Павелъ I въ 1797 г. принялъ въ свою службу цѣлый корпусъ принца Конде, состоявшій изъ трехъ полковъ пѣхоты, двухъ конницы и артиллеріи. Эти полки, изъ которыхъ нѣкоторые состояли изъ однихъ жентиломовъ самыхъ аристократическихъ фамилій, ополчавшихся на защиту великихъ принциповъ ancien régime'а въ чужой странѣ—эти полки, говоримъ, шефами которыхъ были

принцъ Конде, герцогъ Бурбонъ, Гогенло, Дюкъ де-Бери, Дюкъ д'Ейгенъ расквартированы были во Владимірѣ, въ Луцкѣ, Ковелѣ (П. С. № 18225), и разносили по святой русской землѣ феодальныя и кастическія воззрѣнія французскаго стариннаго дворянства, противъ которыхъ возстала въ 1789 г. вся французская земля. Такимъ образомъ, наша аристократія получила окончательно свой типъ въ концѣ прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ принциповъ французскаго ancien régime, представительницей которыхъ явилась легитимистская эмиграція. Тогда какъ наша аристократія проникалась этими обветшавшими принципами, лучшіе члены мелкаго и средняго дворянства, ближе стоявшаго къ народу, воспринимали начала 1789 г. Понятно, почему образованнѣйшіе представители этой общественной группы въ теченіе текущаго столѣтія стояли во главѣ умственнаго движенія нашего общества—наши Гоголи и Бѣлинскіе, наши Грановскіе и Кавелины выходили изъ рядовъ средняго и мелкаго дворянства.» (стр. 66—67).

Всю эту и еще слѣдующую выписку мы приводимъ здѣсь какъ немногіе образцы неумѣстныхъ выходокъ автора, въ подтвержденіе сказаннаго нами выше объ увлеченіи, которому онъ поддается въ ущербъ истинѣ, какъ скоро заходитъ рѣчь о характерѣ и дѣйствіяхъ такъ называемой имъ «нашей аристократіи». Но, полагая, что спокойное и разсудительное чтеніе этихъ мѣстъ само указываетъ на то, что въ нихъ диктовано предубѣжденіемъ, мы позволимъ себѣ оговорить здѣсь только ошибки, несогласныя съ дѣйствительностію. Такъ, заявляя, что изъ пажескаго корпуса и александровскаго лицея выходили на поприще жизни и службы только маркизы доброй старой Франціи, авторъ напрасно забываетъ о тѣхъ, вышедшихъ изъ этихъ заведеній, двигателяхъ мысли и дѣла, изъ коихъ одни высказали свои высокія идеи о правахъ человѣчества въ незабвенныхъ литературныхъ произведеніяхъ, другіе запечатлѣли ихъ своею кровью и свободою, наконецъ третьи съ честью и пользою для отечества подвизались или еще подвизаются на государственной службѣ или въ разныхъ сферахъ частной дѣятельности. Такъ въ числѣ лицъ, упоминаемыхъ во главѣ умственнаго движенія нашего общества въ теченіе текущаго столѣтія, напрасно даровитый и гуманный Кавелинъ

выведенъ изъ рядовъ средняго или мелкаго дворянства: намъ лично извѣстно, что онъ принадлежитъ по своимъ предкамъ къ одному изъ древнихъ, притомъ богатыхъ дворянскихъ родовъ, а своими высокими нравственными качествами обязанъ тщательному воспитанію и прекраснымъ примѣрамъ, вынесеннымъ изъ родительскаго дома.

Комментируя слова молодаго графа Строганова, произнесенныя имъ въ одномъ изъ засѣданій неофиціальнаго комитета 1801 года, въ коихъ онъ между прочимъ большую часть сельскаго дворянства назвалъ сословіемъ самымъ невѣжественнымъ, ничтожнымъ и въ отношеніи къ своему духу наиболѣе тупымъ, авторъ замѣчаетъ, что основной тонъ этихъ словъ и пробивающаяся задняя мысль—аристократическіе: „главенство дворянства въ государствѣ, его право оппозиціи самодержавію, малтретированіе дворянства рядоваго“ (стр. 69—70). Но спрашивается: справедливо-ли слова эти, высказанныя почти келейно однимъ изъ членовъ комитета, обсуждавшаго вопросъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ людей, такъ безпощадно обращать въ его собственное обвиненіе не доказавъ предварительно, что они совершенно ложны?

Въ главѣ второй г. Романовичъ-Славатинскій особенно подробно разсматриваетъ обязательную службу дворянства какъ повинность, лежавшую на немъ и до Петра В., а симъ послѣднимъ еще усиленную обращеніемъ ее въ постоянную съ добавленіемъ къ ней и обязательности обученія. Но эту повинность онъ называетъ особаго рода *тяглом*ъ и приравниваетъ такое тягло относительно государства къ крѣпостной зависимости, въ коей находились крестьяне и дворовые люди къ своимъ господамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги авторъ даже прямо называетъ это отношеніе дворянства къ правительству отношеніемъ *крѣпостным*ъ (стр. 145, 147, 193 и пр.). Переходя же къ преемникамъ Петра I, онъ замѣчаетъ, что они поддерживали его систему, хотя и не съ такой энергіей, до императора Петра III, которымъ отмѣняется обязательная служба и шляхетство распускается въ безсрочные отпуски по домамъ. «Распущенное по домамъ шляхетство Екатерина II группируетъ въ губернскія дворянскія общества, которыя должны ставить изъ своей среды членовъ въ

мѣстныя судебныя и полицейскія учрежденія. Такимъ образомъ, за дворянствомъ все-таки до нѣкоторой степени остается характеръ класса *служилаго*» (стр. 119).

Чтобы еще лучше выяснить взглядъ автора на характеръ службы при Петрѣ Великомъ и на измѣненія, которымъ она подверглась во второй половинѣ XVIII столѣтія, мы приведемъ слѣдующія слова его по поводу изданія манифеста 18 февраля 1762 г. «Даровавъ—говоритъ онъ—дворянству льготу отъ обязательной службы, во имя которой оно стало выдѣляться изъ другихъ общественныхъ разрядовъ еще въ московскій періодъ, манифестъ этотъ составляетъ эпоху въ исторіи сословія: по истинѣ его можно сравнить съ манифестомъ 19 февраля 1861 г. въ исторіи крѣпостныхъ крестьянъ. Подобно послѣднему, освободившему крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ, манифестъ 18 февраля 1762 г. освободилъ дворянство отъ лежавшаго на немъ тягла—обязательной службы государству, ставившей его также въ положеніе сословія крѣпостнаго. Вліяніе его на послѣдующія судьбы дворянства неизчислимо. Онъ составляетъ поворотную точку въ исторіи этого сословія, когда оно изъ *крѣпостнаго служилаго*, какимъ было во все продолженіе своего существованія, превратилось въ *привилегированное землевладѣльческое*, распавшееся на губернскія дворянскія общества, ставившія по наряду изъ своей среды членовъ мѣстнаго суда и полиціи. Онъ окончательно опредѣлилъ то положеніе дворянъ въ государствѣ, какое сохранили они до нашихъ дней—до великихъ реформъ великаго царствующаго монарха, который льготу отъ крѣпостной зависимости распространилъ на преобладающую въ государствѣ массу земледѣльческаго населенія» (стр. 192—193).

И такъ «обязательная постоянная служба» и «обязательное обученіе» — вотъ тягло, которое, по словамъ автора, въ теченіе болѣе половины XVIII вѣка лежало на дворянствѣ. Виновникомъ этого крѣпостнаго состоянія для высшаго класса выставляется Великій Преобразователь Россіи, а освободителями отъ него — Петръ III и Екатерина II. Съ формальной стороны этотъ взглядъ конечно вѣренъ, и авторъ добросовѣстно перечисляетъ намъ не только распоряженія правительства, состоявшіяся въ виду какъ первой, такъ и второй мѣры, но и тщательно извлекаетъ изъ до-

ступныхъ ему источниковъ относящіяся къ нимъ сужденія и отзывы современниковъ, доказывающіе какъ тяготила ихъ обязательная служба и какъ восторженно привѣтствовали они освобожденіе отъ нея и свою вольность. Но здѣсь-то и желательно было бы встрѣтиться съ болѣе глубокимъ анализомъ развитія Петромъ Великимъ начала обязательной службы, завѣщеннаго ему его предшественниками, въ отношеніи къ высшему сословію и значенія для самого этого сословія государственной службы и по ослабленіи ея строгости во второй половинѣ XVIII столѣтія. Въ такой анализъ г. Романовичъ-Славатинскій вовсе не пускается; но изъ немногихъ, случайно оброненныхъ имъ, словъ примѣнительно къ службѣ, какъ государственной повинности, можно заключить, что онъ едва ли не отвергаетъ въ этомъ отношеніи самый существенный характеръ дворянства, не только приданный ему всей нашей исторіей, но и принадлежащій ему и съ точки зрѣнія теоретической, какъ высшему сословію. Указывая на происхожденіе западнаго дворянства по преимуществу изъ феодаловъ-землевладѣльцевъ, авторъ не разъ въ своей книгѣ намекаетъ на то, что и русское дворянство стремилось не только имѣть помѣстья и вотчины, но и жить въ нихъ по своему произволу, предаваясь сельскимъ занятіямъ. Это стремленіе его не только получило удовлетвореніе въ концѣ XVIII в., но и было предоставлено, хотя отчасти и обязательно, дворянамъ-землевладѣльцамъ отправлять службу на мѣстѣ своего жительства или по близости своихъ усадебъ и полей. Еще шире, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обязательнѣе, усвоены дворянамъ права въ отношеніи къ службѣ по мѣстному управленію въ настоящее царствованіе, какъ членамъ земства. Но значитъ-ли это, что высшее наше сословіе, чрезъ учрежденіе земства, достигло вполнѣ своего предназначенія? Значитъ ли это, что оно должно за тѣмъ изчезнуть въ массѣ другихъ сословій? Если владѣніе землею не препятствуетъ купцу и ремесленнику продолжать свои занятія торговыя и промышленныя; если крестьянинъ-собственникъ или арендаторъ, и послѣ предоставленія ему правъ по земству, остается членомъ сельскаго сословія, а въ частности членомъ волости, къ которой приписанъ, и сельской общины, въ которой имѣетъ жительство, то конечно и дворянинъ, точно такой же землевладѣлецъ какъ и

землевладѣльцы другихъ сословій, можетъ имѣть притязаніе, скажемъ даже болѣе — нравственную обязанность, быть и впредь полезнымъ отечеству на томъ поприщѣ, на которомъ онъ подвизался въ теченіи столькихъ вѣковъ, и подвизался, какъ всѣмъ извѣстно, далеко не безплодно. Да и на какое другое сословіе можетъ по преимуществу расчитывать государство для того, чтобы какъ военныя его силы, такъ и исполненіе разныхъ должностей по гражданскому управленію и въ особенности распространеніе въ народной массѣ образованія соотвѣтствовали его потребностямъ? Если же и изъ прочихъ сословій посвящаютъ себя государственной службѣ лица наиболѣе къ ней способныя, то не примыкаютъ ли они чрезъ то самое къ высшему классу, котораго права и предоставляются имъ правительствомъ за ихъ дарованія и служебныя заслуги, какъ то вездѣ бываетъ и всегда было и у насъ? Таково высшее сословіе на западѣ, такимъ останется оно конечно и въ Россіи и послѣ великихъ преобразованій настоящаго царствованія. Полагаемъ, что если бы авторъ взглянулъ съ этой точки на законодательную дѣятельность Петра В. и его преемниковъ по отношенію къ службѣ, какъ существеннаго права и обязанности дворянства, то эта дѣятельность выяснилась бы ему не съ одной формальной ея стороны. Онъ усмотрѣлъ бы, что въ древней Россіи обязательная служба, какъ государственная повинность, была возложена на высшій классъ преимущественно предъ другими сословіями вслѣдствіе неразвитости тогдашнихъ финансовыхъ средствъ, которая и заставляла правительство, вмѣсто выдачи жалованья служилымъ людямъ, верстать ихъ помѣстьями; что по мѣрѣ усиленія этихъ средствъ, въ вознагражденіе за службу, вмѣстѣ съ помѣстьями, стали назначать и жалованье, и что Петру В. уже представилась возможность опредѣлить чинамъ военнымъ и гражданскимъ постоянные денежные оклады, а помѣстья обратить въ вотчины, по недостатокъ въ войскѣ и въ чиновникахъ, потребныхъ и годныхъ для разныхъ присутственныхъ мѣстъ, заставили и его съ одной стороны возложить на дворянство службу, какъ постоянную обязательную повинность, а съ другой столь-же обязательно требовать отъ него знанія и съ этой цѣлью подчинить его самой строгой дисциплинѣ въ обученіи. Мѣра эта была крайне стѣснительна для по-

мѣщиковъ, привыкшихъ лишь временно отбывать службу; но она признана была Петромъ единственною для поднятія своего отечества, которое онъ любилъ превыше всего, въ уровень съ иностранными государствами, и его желѣзная воля помогла ему совершить этотъ исполинскій подвигъ. Не должно впрочемъ забывать, что учрежденіе Петромъ же подушнаго оклада и новой системы наборовъ для войска пріуготовили отмѣну съ теченіемъ времени обязательной службы для дворянства, какъ постоянной повинности. Благодаря этому и быстрому развитію Россіи, преемники его уже находились въ лучшемъ положеніи: имъ сдѣлалось возможнымъ исправить крутую его мѣру въ отношеніи высшаго сословія. Еще при Аннѣ Іоанновнѣ мы встрѣчаемъ предоставленіе значительныхъ льготъ чинамъ военнымъ и гражданскимъ въ отпускахъ и отставкахъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только просмотрѣть въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи дѣла герольдмейстерской конторы, изъ коихъ видно, что съ этою цѣлью допускалось въ практикѣ множество причинъ, принимавшихся во вниманіе для выдачи свидѣтельства должностному лицу объ увольненіи его «на вѣчно» или на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, между прочимъ лежавшія на просителяхъ платежи податей. Неудивительно, что въ умахъ правительственныхъ лицъ стала созрѣвать мысль о возможности и даже необходимости ослабить строгія правила обязательной службы, установленныя Петромъ В. Мысль эта осуществилась при Петрѣ III и Екатеринѣ II. Но намъ кажется, что говоря о льготѣ отъ службы, сдѣланной дворянству этими государями, авторъ преувеличилъ ея значеніе, хотя и добросовѣстно приводитъ содержаніе относящихся сюда манифестовъ. Называя прежнюю обязательную службу тягломъ, крѣпостнымъ отношеніемъ дворянства къ государству, онъ признаетъ его съ изданія манифеста 18 февраля 1762 г. совершенно свободнымъ отъ службы, какъ государственной повинности, и въ правительственныхъ распоряженіяхъ послѣдующихъ царствованій всѣ мѣры, неподходящія подъ этотъ его взглядъ, называетъ не иначе какъ ограниченіями свободы, предоставленной дворянству въ этомъ отношеніи (стр. 199—203). Не говоря уже о томъ, что далѣе самъ авторъ признаетъ должности по мѣстному управленію, учрежденному Ека-

териной II, новымъ тягломъ по службѣ, наложеннымъ на дворянство, достаточно внимательно прочесть относящіяся сюда мѣста манифеста 1762 г., чтобы не согласиться съ означеннымъ взглядомъ. Изъ словъ и смысла ихъ *) видно напротивъ того, что какъ общія, такъ и временныя узаконенія относительно государственной службы, вышедшія въ царствованія Императоровъ Александра I и Николая, согласовались съ принципомъ, провозглашеннымъ Петромъ III, чтобы дворянство не уклонялось отъ службы, какъ прямой своей обязанности и готовилось къ ней съ малолѣтства наукою. Этого мало: тотъ же манифестъ разъясняетъ необходимость, почему Петръ I призналъ за благо *принуждать дворянъ къ службѣ* и указавъ на результаты, достигнутые этой мѣрой, объявляетъ, что за тѣмъ не представляется *той необходимости* въ принужденіи, *какая* до сего времени была *потребна*. И такъ, по прямому смыслу этого манифеста, дворянство не освобождается вовсе отъ государственной службы, но лишь дѣлается для него та льгота, что оно не будетъ къ ней принуждаемо, развѣ представится въ немъ особая надобность. Но такая надобность едва ли можетъ быть ограничиваема тяжкими военными обстоя-

*) Въ пунктѣ 6-мъ объявляется, что къ невольной службѣ дворянство впредь требуемо не будетъ, развѣ особливая надобность въ томъ будетъ, и тогда она объявляется именнымъ указомъ; въ пунктѣ 7-мъ предоставляется герольдіи ежегодно по пропорціи живущихъ въ губерніяхъ, не въ службѣ находящихся дворянъ, требовать въ сенатъ, для надобности при ономъ и при его конторѣ, въ количествѣ 50 человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы сами дворяне избирали ихъ изъ своей среды и объявлять кто выбранъ въ канцеляріяхъ, дабы оныя могли о томъ въ герольдію рапортовать, а выбраннымъ высылку учинить; въ пунктѣ 8-мъ предписывается находящихся въ военной службѣ дворянъ въ солдатахъ и прочихъ нижнихъ чинахъ менѣе оберъ-офицера, кои не дослужились до офицерства, не отставливать, развѣ кто болѣе 12 лѣтъ военную службу продолжалъ; наконецъ, въ пунктѣ 9-мъ Императоръ изъявляетъ надежду, что „все благородное россійское дворянство по своей всеподданнической вѣрности и усердію побуждено будетъ не удаляться, ниже укрываться отъ службы, но съ ревностію и желаніемъ въ оную вступать и честнымъ и незазорнымъ образомъ оную по крайней возможности продолжать, не меньше и дѣтей своихъ съ прилежностію и раченіемъ обучать благопристойнымъ наукамъ, ибо всѣ тѣ, кои никакой и нигдѣ службы не имѣли, тѣхъ Мы яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать и уничтожать всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ“.

тельствами, когда является потребность, для защиты государства, въ народномъ ополченіи, какъ полагаетъ авторъ (стр. 194 и 203). Не правильнѣе ли понимать это мѣсто манифеста такъ, что всякая служба обязательна для дворянства, какъ и для другихъ сословій, когда она установляется именнымъ указомъ или положеніемъ, Высочайше утвержденнымъ? Въ этомъ смыслѣ она есть не что иное какъ одна изъ повинностей, лежащихъ на обязанности всѣхъ подданныхъ государства *).

Главы 3-я и 4-я производятъ на читателя самое пріятное впечатлѣніе своею документальностію: мы хотимъ этимъ сказать, что авторъ, излагая здѣсь съ подробностію законоположенія, касающіяся развитія личныхъ правъ дворянъ, въ особенности же право владѣнія населенными имѣніями и крѣпостными людьми и искусно пользуясь источниками для извлеченія изъ нихъ фактовъ, объясняющихъ современный бытъ и происхожденіе изъ него означенныхъ законовъ или же наглядно представляющихъ значеніе и примѣненіе этихъ послѣднихъ къ жизни, весьма мало— и конечно поэтому самому—дѣлаетъ отступленій отъ такого способа изложенія для выводовъ, которые и въ отношеніи къ настоящему предмету были бы преждевременны. Вотъ почему обѣ эти главы даютъ лишь самую скудную пищу для критическаго ихъ разбора. Мы укажемъ только на нѣкоторыя противорѣчія, встрѣченныя нами въ сужденіяхъ автора по вопросу о привилегіи дворянства владѣть крѣпостными людьми. На стр. 212 развивается мысль, что лишь освобожденіемъ отъ обязательной службы (съ 1762 г.) дворянство становится сословіемъ привилегированнымъ и лишь съ изданія дворянской грамоты 1785 г. вводится въ законодательство понятіе личныхъ правъ его и самое это слово

---

*) Издавая въ свѣтъ настоящую рецензію почти черезъ три года послѣ ея составленія и представленія въ Академію Наукъ, мы съ особеннымъ удовольствіемъ считаемъ долгомъ указать на обнародованный 1-го января 1874 г. уставъ о военной повинности и на Высочайшій рескриптъ г. министру народнаго просвѣщенія, въ коемъ ближайшая забота о распространеніи народнаго просвѣщенія поручена дворянству, отвѣтившему восторженными адресами Государю Императору на столь лестное и важное для него порученіе.

(личныя преимущества); а на стр. 215, по случаю перечисленія такихъ правъ, о важнѣйшемъ изъ нихъ—владѣніи крестьянами сказано, что въ дворянской грамотѣ объ этомъ правѣ не упоминается, такъ какъ оно уже вполнѣ опредѣлилось ко времени ея изданія. Послѣднее замѣчаніе совершенно справедливо и подтверждается тѣмъ, что уже въ межевой инструкціи 1754 г. владѣніе населенными имѣніями пріурочено исключительно къ потомственному дворянству, какъ его важнѣйшая сословная привилегія. Но съ одной стороны офиціальное признаніе этой привилегіи не только не совпадаетъ съ годомъ предполагаемаго авторомъ освобожденія дворянства отъ крѣпостной зависимости по службѣ (1762 г.), но напротивъ ему предшествуетъ, а съ другой стороны не соотвѣтствуетъ и предположенію, выражаемому неоднократно въ разныхъ мѣстахъ разсматриваемаго сочиненія, что мотивъ укрѣпленія крестьянъ заключался въ томъ, чтобы доставить служилому классу (слѣдоват. высшему сословію) постоянныхъ работниковъ, дабы было «съ чего царскую службу служить», изъ чего слѣдовало бы впрочемъ заключить, что право это было уже привилегіей служилаго класса съ самаго учрежденія помѣстной системы. Тѣмъ не менѣе и приведенный сейчасъ мотивъ укрѣпленія людей долженъ быть отвергнутъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ онъ былъ таковъ, то, во 1-хъ, это укрѣпленіе совершилось бы не въ концѣ XVI и началѣ XVII стол., какъ это было, а съ самаго учрежденія помѣстной системы; во 2-хъ, какъ частная мѣра—до распространенія ея на крестьянъ всѣхъ землевладѣльцевъ—она началась бы именно съ крестьянъ служилыхъ людей, владѣвшихъ помѣстьями, данными имъ правительствомъ для службы, въ дѣйствительности же она предписана была сначала въ отношеніи крестьянъ и людей монастырскихъ и не по непосредственной иниціативѣ правительства, а по челобитью духовныхъ властей. Да и самая мысль будто обязательная служба дворянства шла въ нашей исторіи паралельно съ правомъ его на владѣніе населенными землями вообще и крѣпостными людьми въ частности, какъ бы право, вызванное къ жизни этою обязательностію (стр. 277) до тѣхъ поръ, пока съ ея отмѣною оно было обращено въ привилегію дворянства, совершенно противорѣчитъ всему, что мы знаемъ изъ источниковъ о началѣ и раз-

витіи въ древней Россіи сельскаго и въ томъ числѣ крѣпостнаго населенія и даже всему тому, что говоритъ самъ авторъ о владѣніи крѣпостными людьми лицами разныхъ сословій даже до XIX стол., владѣніи не только случайномъ или скрытномъ, но и вполнѣ законномъ. Предѣлы нашего разбора не позволяютъ намъ подтвердить съ достаточною подробностью первое изъ этихъ возраженій автору; но мы полагаемъ довольно извѣстнымъ, что уже въ XI и XII столѣтіяхъ не только въ лѣтописяхъ, но и въ юридическихъ актахъ указывается на вотчины духовныхъ властей и свѣтскихъ лицъ, въ коихъ были рабы и холопи, занимавшіеся между прочимъ и земледѣліемъ; что право вотчинное не было вовсе тождественнымъ съ правомъ помѣстнымъ и въ отношеніи къ службѣ, ибо еще въ XVI столѣтіи вотчины не принимались въ расчетъ при назначеніи количества людей, съ которыми помѣщикъ долженъ былъ являться въ походъ, что и въ отношеніи къ самимъ помѣстьямъ не населеніемъ въ нихъ жившимъ опредѣлялась эта повинность, а количествомъ ихъ сохъ, вытей или четвертей, почему въ боярскихъ книгахъ и спискахъ прямо означалось, что съ такого-то помѣщика слѣдуетъ взять *съ земли* столько-то людей и уже соразмѣрно этому выдавалось ему жалованье какъ на «его голову», по статьѣ, въ которой онъ былъ верстанъ, такъ и на означенныхъ людей; что наконецъ подворное перечисленіе народа, если и дѣлалось въ древней Россіи, то имѣло цѣлью распредѣленіе податей, а не личныхъ силъ для службы. Что касается до втораго возраженія, то ссылаемся на подлинныя указанія автора, приведенныя на стр. 279 — 281 его книги въ подтвержденіе того, что владѣніе крѣпостными людьми какъ въ XVII-мъ, такъ и въ XVIII столѣтіи было правомъ не однихъ только помѣщиковъ. Въ виду этихъ данныхъ, едва ли нужно доказывать, что не правительство, не освободившее крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщикамъ уже въ 1762 г., когда оно, по словамъ автора, освободило самихъ помѣщиковъ отъ тягла или крѣпостнаго отношенія къ государству, дѣйствовало нелогично (стр. 277), а что онъ самъ, считая обязательную службу явленіемъ совершенно тождественнымъ съ крѣпостнымъ состояніемъ, поступилъ не только нелогично, но и совершенно несогласно съ источниками.

Обращаясь къ разсмотрѣнію пятой главы сочиненія, имѣющей предметомъ дворянство какъ сословіе, или развитіе корпоративныхъ его правъ, мы на первыхъ же строкахъ этой главы встрѣчаемся съ предвзятымъ мнѣніемъ, будто наше служилое (высшее) сословіе не имѣло до Петра В. значенія землевладѣльческаго класса (стр. 402). Сознаемся откровенно, что наше убѣжденіе по этому предмету совершенно противоположное. Намъ сдается, что всѣ недостатки военнаго управленія въ древней Россіи происходили оттого, что правительство не имѣло (значительнаго по числу) постояннаго войска, а имѣть его не могло, потому что помѣщики, которые доставляли почти исключительный контингентъ военныхъ силъ въ ратное время, были не только землевладѣльцами, но и жили преимущественно въ своихъ имѣніяхъ, а службу отправляли лишь временно, по призыву, въ случаѣ войны или посылокъ. Всѣ интересы ихъ, какъ неоднократно замѣчаетъ и самъ авторъ, были обращены къ своимъ любимымъ пажитямъ и нивамъ и конечно ничто не влекло ихъ своихъ крестьянъ-земледѣльцевъ пріучать исподоволь къ ратному строю и военнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ болѣе, что и само правительство требовало отъ нихъ только того, чтобы они на сборныя мѣста приводили съ собою опредѣленное число людей въ назначенномъ заранѣе вооруженіи и доспѣхахъ. Но вопросъ здѣсь собственно въ томъ: имѣли-ли эти хозяева-воины участіе въ земскихъ дѣлахъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ были ихъ владѣнія? Авторъ полагаетъ, что и земскихъ дѣлъ, собственно говоря, въ то время не было, потому-что и мѣстныя должности имѣли значеніе лишь наряда мѣстныхъ служилыхъ людей на государево дѣло, хотя въ эти должности они были выбираемы. Но не помѣшало ли ему и здѣсь понятіе о службѣ обязательной, какъ тягла, выяснить надлежащую долю участія, которое мѣстные дворяне-владѣльцы могли имѣть въ дѣлахъ земства? Спрашивается: какія это были дѣла, на сколько они были чужды самимъ жителямъ губы или уѣзда, въ которыхъ правительство предписывало имъ дѣйствовать сообща, возлагая отправленіе этихъ дѣлъ «на ихъ души»? Охраненіе безопасности, раскладка и взиманіе податей и мѣстныхъ сборовъ, исполненіе всякаго рода другихъ повинностей, судъ и расправа. Ужели всѣ эти дѣла были такъ мало близки мѣстному

населенію, что все оно, поголовно, отрекалось отъ участія въ нихъ,—не фактически (ибо дошедшіе до насъ памятники свидѣтельствуютъ, что для обсужденія ихъ и выборовъ должностныхъ лицъ на то или другое земское дѣло сходки и съѣзды дѣйствительно бывали), но за недостаткомъ въ каждомъ членѣ земства убѣжденія въ могущей быть отъ нихъ пользѣ обществу или лично себѣ. Не могли же въ самомъ дѣлѣ земскія дѣла терять свое значеніе для мѣстныхъ жителей только потому, что они были «государевы», т. е. должны были служить къ удовлетворенію государственныхъ потребностей. Во всякомъ случаѣ не слѣдовало автору останавливаться на дворянствѣ древней Руси лишь какъ на служиломъ сословіи, о мѣстномъ же его значеніи и вліяніи какъ богатаго землевладѣльца и члена земстеа отзываться отрицательно, не постаравшись разсмотрѣть предварительно источники, отчасти напечатанные, которые представляютъ данныя, свидѣтельствующія и о сельской жизни и занятіяхъ помѣщиковъ XVII вѣка и о дѣйствіяхъ и службѣ ихъ по выборамъ земскихъ людей.

Въ царствованіи Петра В., хотя онъ первоначально заботился о привлеченіи дворянства къ дѣламъ мѣстнаго управленія, оно не могло сложиться въ уѣздныя, а тѣмъ менѣе губернскія общества, потому что усиленіе обязательной службы дѣйствительно поглотило въ это царствованіе всю частную дѣятельность и мѣстные интересы этого сословія. Но при его преемникахъ дворяне стали чаще наѣзжать въ свои имѣнія, когда же манифестъ 1762 г. даровалъ имъ свободу отъ принудительной постоянной службы, они толпами начали переселяться въ деревни. Наконецъ настаетъ вѣкъ Екатерины II: она издаетъ губернское учрежденіе и дворянскую грамоту, предоставляющія разомъ столько правъ высшему сословію, утверждающія за нимъ столько привилегій. Казалось бы теперь ничто уже не мѣшало дворянству обратиться въ классъ исключительно землевладѣльческій и стать во главѣ мѣстнаго управленія. Вмѣсто того, что говоритъ авторъ, приготовлявшій насъ всѣми предыдущими главами своей книги къ предвкушенію этого блаженнаго состоянія дворянства. «Выборы въ мѣстныя должности сдѣлались для дворянства обязательной службой во второмъ исправленномъ изданіи. Обязатель-

ная служба въ арміи и во флотѣ, при сенатѣ и коллегіи преобразовалась въ обязательную службу въ губерніи и уѣзды, при палатѣ или земскомъ судѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчаніе г. Лохвицкаго, что Екатерина II перечислила дворянство относительно отправляемой имъ службы изъ военнаго министерства въ министерство внутреннихъ дѣлъ, столько же остроумно, сколько и вѣрно. При отбываніи этого новаго тягла, этой обязательной службы въ новомъ исправленномъ изданіи, мы подчасъ замѣчаемъ тѣже явленія какъ и прежде — тѣже *нытчики* на дворянскихъ выборахъ, тоже *отлынваніе* отъ службы по выборамъ. Къ этому присоединились еще другія причины, повліявшія на то, что исторія участія дворянства въ мѣстномъ судѣ и управленіи, дворянскіе выборы—не составляютъ свѣтлаго эпизода въ исторіи этого сословія. Причины эти, о которыхъ подробнѣе мы скажемъ ниже: раздвоеніе дворянства на аристократію и низшее дворянство, абсентеизмъ первой изъ помѣстій и др.» (стр. 420). Что же породило эти явленія и эти ихъ причины? «дворянство потянулось на государственную службу: чинъ продолжалъ быть честнѣе сословія, а чинъ главнымъ образомъ давался государственною службою. Гакстгаузенъ удивляется, что въ Россіи весьма рѣдко можно встрѣтить дворянина, который бы не служилъ или не служитъ по военной или гражданской службѣ; имѣть чинъ въ Россіи, по словамъ путешественника—такой-же почетный обычай, какъ въ сѣверной Германіи университетская степень (Etudes, t. 3, p. 43, 62). Такимъ образомъ и послѣ отмѣны обязательной службы, дворянство продолжаетъ быть болѣе *служилымъ*, чѣмъ *землевладѣльческимъ* классомъ. Такъ на себя смотрѣло само дворянство, такъ смотрѣло на него и законодательство» (стр. 491—492).

И такъ въ теченіе всей Русской исторіи до новѣйшихъ преобразованій не осуществился въ отношеніи къ дворянству идеалъ, который составилъ себѣ авторъ о значеніи, правахъ и обязанностяхъ высшаго сословія, какъ одного изъ элементовъ государства. Идеалъ этотъ конечно лишь смутно рисуютъ намъ отрывочныя мысли, разсѣянныя въ разсматриваемой нами книгѣ по поводу той или другой привилегіи, той или другой обязанности дворянства; но очевидно, что авторъ не желаетъ видѣть въ немъ

сословіе, подвизающееся на государственной и мѣстной службѣ, по крайней мѣрѣ предпочтительно предъ другими сословіями. Вотъ почему онъ, какъ кажется, недоволенъ тѣмъ, что, начиная съ древнѣйшихъ временъ, правительство смотрѣло на дворянство какъ на служилый классъ по преимуществу и еще болѣе недоволенъ дворянствомъ, которое и послѣ изданія манифеста 1762 г. не перестаетъ стремиться на государственную службу. Но если факты минувшей жизни дворянства, какъ сословія, не отвѣчали теоріи, сложившейся въ умѣ автора, такъ точно, какъ надѣемся мы, не будетъ отвѣчать ей и предстоящая этому сословію общественная дѣятельность, то это еще не значитъ, что дворянство не соотвѣтствовало доселѣ и впредь не будетъ соотвѣтствовать своему назначенію и призванію въ государственномъ строѣ Россіи. Къ счастію, самъ авторъ не придаетъ своимъ выводамъ большой цѣны и приглашаетъ насъ видѣть въ его трудѣ лишь матеріалъ, который долженъ послужить будущимъ изслѣдователямъ для окончательнаго выясненія прошлой жизни дворянства; поэтому скажемъ нѣсколько словъ относительно исполненія имъ такой задачи, состоявшей въ собраніи данныхъ и группировкѣ ихъ въ указанномъ выше систематическомъ порядкѣ.

Прежде мы уже имѣли случай коснуться отчасти разсматриваемаго нами труда съ фактической его стороны. Мы обратили вниманіе на тщательность, съ какою авторъ исчерпалъ въ этомъ отношеніи въ особенности Полное Собраніе Законовъ—богатѣйшую и еще такъ мало початую руду для всякаго рода изслѣдованій по русской исторіи XVIII и XIX столѣтій. Но онъ не удовольствовался и хронологическимъ сведеніемъ данныхъ, извлеченныхъ изъ этого источника, по каждой главѣ и раздѣлу своей книги: ему казалось необходимымъ подвергнуть такому же тщательному пересмотру и Сводъ Законовъ, на сколько выработавшееся исторически законодательство въ отношеніи къ правамъ и обязанностямъ дворянства получило здѣсь догматическое признаніе. И какіе превосходные результаты дала эта работа надъ сухими, по видимому, и безконечными докладами, указами, положеніями, статьями и даже цифрами. Въ систематическомъ строѣ и преемственномъ порядкѣ они облеклись въ жизнь и плоть и воскресаютъ передъ читателемъ не только царственныхъ дѣла-

телей въ теченіе богатыхъ событіями столѣтій, избранныхъ авторомъ для своего изслѣдованія, но и ближайшихъ ихъ помощниковъ. Какіе цѣльные типы складываются въ нашемъ умѣ, когда, переходя по книгѣ отъ одного царствованія къ другому, мы доводимъ ея чтеніе до конца; какъ рельефно выдвигаются, со всѣми своими особенностями, съ постоянствомъ или неровностью въ характерѣ, не только такіе великіе дѣятели, каковы были Петръ и Екатерина II, Александръ I и Николай, но и Императрицы Анна и Елизавета и Императоръ Павелъ I! Въ особенности отрадное впечатлѣніе производитъ цѣлый рядъ распоряженій Императора Николая, свидѣтельствующихъ съ какою неуклонною твердостью онъ стремился къ улучшенію быта крѣпостнаго состоянія и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ благородно и честно относился и къ дѣятельности дворянства, какъ высшаго сословія, призваннаго къ государственной службѣ и исторіей и своимъ положеніемъ въ обществѣ. Факты, приведенные въ этомъ отношеніи въ книгѣ г. Романовичъ-Славатинскаго, не требуютъ комментаріевъ: они говорятъ за себя гораздо болѣе, чѣмъ могли бы это сдѣлать громкія, но липенныя содержанія фразы. Вотъ почему мы не можемъ не замѣтить, что хотя авторъ счелъ полезнымъ оживить эти хронологическіе перечни правительственной дѣятельности въ отношеніи дворянства довольно многочисленными выдержками изъ записокъ и разсказовъ современниковъ, служащихъ къ ихъ поясненію или обрисовывающихъ яркими красками бытъ и стремленія служилаго класса въ разные періоды, которые онъ проходилъ съ XVII вѣка по изданіе манифеста 19 февраля 1861 г., и конечно этимъ самымъ придалъ своей книгѣ значительный интересъ, тѣмъ не менѣе, зная какъ иногда современники событій и разныхъ мѣръ правительства увлекаются въ оставляемыхъ ими потомству очеркахъ своими страстями и личными впечатлѣніями и что потому сказанія ихъ не всегда бываютъ близки къ истинѣ (достаточно лишь указать напр. на записки Вигеля), мы поставляемъ главную заслугу автора въ томъ, что онъ понялъ настоящее значеніе фактической разработки своего предмета по законодательнымъ источникамъ и посвятилъ ей много времени и труда. Мы не признаемъ однако за нужное перечислять въ подробности содержаніе всѣхъ главъ и раздѣловъ его книги, ибо по характеру

историко-догматическаго изложенія этой ея части такое перечисленіе не имѣло бы никакой цѣли кромѣ того, что подтвердило бы наши слова о количествѣ труда, положеннаго авторомъ на выполненіе своей задачи, и о пользѣ, принесенной тѣмъ наукѣ. Считаемъ поэтому болѣе соотвѣтствующимъ нашей обязанности какъ рецензента указать, въ заключеніе нашей статьи, на нѣкоторыя ошибки, опущенія или неточности, встрѣчающіяся въ фактической части разсматриваемаго сочиненія.

На стр. 43-й указано, что древнѣйшая боярская книга, сохранившаяся въ сенатскомъ разрядномъ архивѣ (нынѣ 1-е отдѣленіе московскаго архива министерства юстиціи) относится къ 1627 г. Хотя это и справедливо, но слѣдовало бы указать не на эту книгу, а на хранящуюся подъ именемъ боярской же книги рукопись въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ 1556 г., тѣмъ болѣе, что она вполнѣ напечатана (въ 3-й книгѣ «Архива историко-юридическ. свѣдѣній о Россіи») и авторъ нашелъ бы въ ней нѣкоторые факты, которые могли бы предохранить его отъ указанныхъ выше погрѣшностей въ его теоретическихъ выводахъ.

На стр. 117 упоминается, что новики верстались въ службу съ 18-лѣтняго возраста. Въ источникахъ, сюда относящихся, между прочимъ и въ десятняхъ, въ которыя вносились впервые вновь верстанныя боярскія дѣти, такимъ срокомъ считается исключительно 15 лѣтъ, какъ и вообще 15-лѣтній возрастъ усвоивалъ разныя права и обязанности въ древней Россіи.

На стр. 166 авторъ утверждаетъ, что въ средѣ нашего дворянства очень мало фамилій, удержавшихъ свои помѣстья съ XVII или даже XVI вѣка. Что большая часть нынѣшняго дворянства дѣйствительно новѣйшаго происхожденія, причина тому — чрезмѣрное размноженіе членовъ этого сословія со временъ Петра В; но тѣмъ не менѣе большое число древнихъ фамилій, владѣвшихъ вотчинами или помѣстьями, удержало ихъ: по нѣкоторымъ уѣздамъ великороссійскихъ губерній мы лично знаемъ многихъ, живущихъ даже рядомъ, потомковъ вотчинниковъ и помѣщиковъ XVI вѣка, которые могутъ подтвердить сохранившимися у нихъ документами, что они владѣютъ тѣми же землями, которыя были ихъ предкамъ пожалованы или ими пріобрѣтены. Еще нагляднѣе могутъ

убѣдить въ этомъ сличенія дворянскихъ фамилій, значащихся въ боярскихъ и другихъ спискахъ, напечатанныхъ г. Ивановымъ въ разныхъ его изданіяхъ, между прочимъ въ двухъ вѣдомостяхъ «дворянскимъ фамиліямъ (чиновъ), имѣвшимъ недвижимыя имѣнія съ крестьянскими дворами въ 1700 г.», приложенныхъ къ его сочиненію: «Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей въ Россіи существовавшихъ», съ фамиліями, находящимися въ изданной Миллеромъ бархатной книгѣ.

На стр. 238 читаемъ положеніе: «поземельное владѣніе въ XVII столѣтіи возможно было только подъ условіемъ службы государству». Авторъ, выставляя такое положеніе, имѣлъ конечно въ виду одно дворянское сословіе, ибо безъ сомнѣнія ему извѣстно, что монастыри, разныя духовныя власти, гости и торговые люди, наконецъ даже крестьяне владѣли также землями въ древней Россіи, какъ и въ послѣдующее время, хотя на нихъ не лежало повинности по службѣ въ томъ смыслѣ какъ говоритъ о ней авторъ въ отношеніи служилаго сословія. Но и въ примѣненіи къ послѣднему означенное выраженіе подлежитъ ограниченію: лишь помѣстное владѣніе возможно было подъ условіемъ службы государству; но какъ помѣстьями верстались всѣ принадлежавшіе къ классу служилыхъ людей, то службу должны были нести изъ числа ихъ и вотчинники, хотя одно вотчинное владѣніе къ ней не обязывало.

На стр. 239 авторъ замѣчаетъ: «соединеніемъ помѣстій съ вотчинами едва ли выиграли права поземельной собственности дворянства — скорѣе это соединеніе было въ интересѣ распространенія регальныхъ правъ государства на всякое поземельное владѣніе, окончательнымъ торжествомъ того порядка, который выработывался уже въ XVII ст. — подчиненіе условіямъ ограниченнаго помѣстнаго владѣнія полнаго и вотчиннаго». Такая мысль противорѣчитъ убѣжденіямъ и правительства и дворянства, приводимымъ самимъ авторомъ. Если означенное соединеніе дворянство считало для себя благодѣяніемъ, какимъ оно и было въ самомъ дѣлѣ, предоставляя высшему сословію тѣже права относительно помѣстій, какими оно пользовалось относительно вотчинъ, то предположеніе будто чрезъ то ограничивались эти послѣднія, нельзя не признать неосновательнымъ, во 1-хъ, пото-

му что правительство всегда считало себя въ правѣ дѣлать всякія ограниченія относительно вотчинныхъ правъ на землю и безъ сліянія ихъ съ помѣстными, а во 2-хъ, потому что по закону до Петра В. помѣстные права не были тождественны, съ правами вотчинными.

На стр. 308 читаемъ: «замѣчено довольно справедливо что лучшими помѣщиками, дѣйствительно нерѣдко отцами для своихъ крестьянъ, всегда болѣе были помѣщики исконные, *родовые*» И мы, съ своей стороны, не можемъ съ этимъ не согласиться; но не можемъ также не замѣтить что слова эти не соотвѣтствуютъ сужденіямъ автора въ другихъ мѣстахъ его книги объ отношеніяхъ родоваго дворянства къ крестьянамъ и о презрѣніи, какое оно имъ оказывало

На стр. 355, говоря о побѣгахъ крестьянъ, авторъ находитъ, что «причина ихъ заключалась не въ *бродяжнической натурѣ русскаго мужика*, а въ условіяхъ, лежащихъ въ крѣпостной средѣ, въ томъ гнётѣ, которому подвергались крѣпостные крестьяне и отъ котораго такъ естественно было желаніе освободиться» а черезъ три страницы (358) замѣчаетъ, что «крѣпостное право» только «содѣйствовало развитію бродяжническихъ инстинктовъ населенія». Которое же изъ этихъ двухъ противорѣчивыхъ положеній должно считать вѣрнымъ? Мы думаемъ, что то и другое не лишено основанія; но первое выражено слишкомъ рѣзко и несогласно съ дѣйствительностію.

Къ книгѣ своей авторъ приложилъ значительное количество примѣчаній (всего 149), въ которыхъ дѣлаетъ фактическія дополненія къ предметамъ, не исчерпаннымъ имъ вполнѣ въ текстѣ сочиненія, предлагаетъ статистическія данныя, приводитъ характеристическія мѣста изъ разныхъ источниковъ и вообще тщательно старается подкрѣпить свои выводы или подтвердить ихъ подлинными словами и цифрами, извлеченными изъ самаго разнообразнаго матеріала съ большимъ трудолюбіемъ и искусствомъ, хотя и здѣсь не обошелся безъ выходокъ, мѣшающихъ серьезности предмета (см. напр. въ при-

мѣч 9, на стр. 507 выходку о чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, который авторъ называетъ «по истинѣ прелестнимъ (!?)». Къ сожалѣнію, отысканіе примѣчаній затрудняютъ невѣрныя ссылки на нихъ, происшедшія отъ пропуска одного примѣчанія (74) и одной излишней цитаты, такъ что ссылку 74 слѣдуетъ считать, какъ и указываетъ впрочемъ самъ авторъ въ опечаткахъ, за 76, слѣдующую 77 и т. д. Но особенно благодарны мы автору за приложенные имъ въ концѣ книги «сдѣлочные акты на крестьянъ» въ исходѣ XVIII и XIX столѣтія, къ коимъ относятся 9 купчихъ, 4 закладныхъ, 5 дарственныхъ и 1 мѣновая. Правда, что эти акты касаются слишкомъ ограниченной мѣстности и относятся большею частію къ одному лицу какъ пріобрѣтателю по нимъ; но если прекрасный примѣръ, раздѣляемый впрочемъ авторомъ и съ другими новѣйшими изслѣдователями (таковы особенно труды проф отца Горчакова), не ограничиваться при розысканіяхъ одними печатными документами, а пользоваться и богатыми рукописными матеріалами, все болѣе изчезающими, особенно изъ частныхъ фамильныхъ архивовъ, если, говоримъ, этотъ примѣръ войдетъ въ обычай, то наша историко-юридическая литература усвоитъ себѣ тотъ пріемъ, который, по нашему мнѣнію, необходимъ ей для того, чтобы она избавилась отъ несовсѣмъ еще оставленной ею методы—стремиться къ выводамъ болѣе на основаніи теоретическихъ соображеній, нежели вслѣдствіе изученія фактовъ предлагаемыхъ въ такомъ обилін дошедшими до насъ источниками, начиная съ XVII столѣтія.

Н. Калачовъ

Въ библіотекѣ С.-Петербургскаго Археологическаго Института (Васильевск. Остр., 12 линія, д. № 19) продаются слѣдующія изданія, вышедшія подъ редакціей **Н. В. Калачова.**

	Безъ перес.	Съ пер.
	р. к.	р. к.
1. Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій (изд. 3-е)	30	40
2. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды (изд. 2-е)	1—50	1—80
3. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи:		
Книга первая (изд. 2-е)	3—	3—50
Книги второй половина первая	3—	3—50
„ „ „ вторая	3—	3—50
Книга третья	3—50	4—
4. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи:		
За 1859 г. (семь книгъ)	9—	10—50
За 1860—1861 (шесть книгъ).	9—	10—50
5. Иностранные сочиненія и акты, относящіеся до Россіи, собранные кн. М. А. Оболенскимъ, подъ редакціею Н. В. Калачова, четыре выпуска		60
6. Юридическій Вѣстникъ за 1860—1864 г. (48 выпуск.) съ алфавитнымъ указателемъ и оглавленіемъ ко всѣмъ выпускамъ	14—	17—
7. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Три тома, каждый	2—	2—50
8. Писцовыя книги. Часть первая:		
Отдѣленіе первое	2—	2—50
Отдѣленіе второе	3—	4—
9. Сборникъ Археологическаго Института:		
Кн[illegible] ждой книги	2—	2—25
[illegible]ой книги.	2—50	2—75
[illegible]й годъ, 6 выпусковъ [illegible]писка годовая) .	5—	6—
[illegible], составъ и устрой-	40	45
[illegible]ъ къ законодатель- [illegible]ное—печатается).	30	40

[illegible]даже болѣе нѣтъ, но нѣко- [illegible]ебникѣ царя Ивана Василье- [illegible]корусскихъ крестьянъ", „Ар- „Рецензіи на разныя сочи- [illegible]осковскаго государства и ея [illegible] и приговорахъ")—изготовля-

5 Ма
73

Цѣна 30 коп.

5 Md
573
B. 1